

Жун Цзянь на мгновение замедлил шаг, почувствовав нечто странное, но лишь кивнул и, не говоря ни слова, продолжил идти вперёд.

Фэй Шичунь, однако, шёл рядом с ним и заговорил:

— Ваше Высочество, с вашими талантами и внешностью, как вас снова вызвал этот Ци Цзэцин?

Жун Цзянь:

— ?

Что это значит?

Возможно, заметив, что Жун Цзянь замедлил шаг, Фэй Шичунь решил, что его слова возымели эффект, и продолжил:

— Всего лишь мелкий чиновник шестого ранга, пользуясь тем, что преподаёт в Покоях Янфу, целыми днями поучает Ваше Высочество. Откуда у него такая наглость?

Жун Цзянь с удивлением посмотрел на Фэй Шичуня, заметив, что тот выглядел возмущённым, словно был исполнен праведного гнева.

С чего вдруг он так разошёлся?

Жун Цзянь задумался и примерно понял его намерения. Подобно тому, как студенты сближаются, обсуждая странных преподавателей, Фэй Шичунь, похоже, хотел того же.

Но ведь это императорский кабинет.

Жун Цзянь едва сдержал смех. Какой хороший сын у Фэй Цзиньни.

— Господин Фэй.

Когда Жун Цзянь не улыбался, его взгляд становился холодным и отстранённым.

— Учитель Ци — это преподаватель, и его критика и воспитание в отношении меня вполне уместны. Если господин Фэй действительно считает, что учитель Ци имеет какие-то недостатки в морали, можно представить доказательства и передать их в канцелярию надзора.

Улыбка Фэй Шичуня замерла, и он застыл на месте.

Он видел, как Жун Цзянь часто вызывал Ци Цзэцин для выговоров, и в разговорах тот был крайне неучитив, поэтому он думал, что эта принцесса ненавидит Ци Цзэцина.

Ведь в глазах других она была будущей матерью императора, обладающей высшей властью.

Жун Цзянь не знал, почему Фэй Шичунь вдруг заинтересовался им, но не хотел больше с ним разговаривать:

— Господин Фэй, уважайте учителей и будьте осторожны в словах.

Сказав это, он не стал ждать реакции Фэй Шичуня и ушёл.

Утренние занятия закончились, и наступило время отдыха. Жун Цзянь, сопровождаемый Сы

Фу и Мин Е, отправился в сад для отдыха.

После произошедшего несколько дней назад Сы Фу стал более осторожен с Мин Е и не решался оставлять Жун Цзяня наедине с этим телохранителем.

И сегодня Жун Цзяню было трудно смотреть на Мин Е.

После того как он пришёл в себя, он осознал, что совершил много глупостей и сказал много лишнего, когда Мин Е болел.

Он не был таким спокойным и сдержанным, как Мин Е, и казалось, что каждое его слово было под контролем.

Жун Цзянь часто терял голову под влиянием эмоций, его слова иногда обрывались на полуслове, когда он понимал их неуместность, он просил у Мин Е неопределённых обещаний, хвалил его глаза и даже хотел прикоснуться к ним. Тогда это казалось нормальным, и он не сожалел об этом, но теперь, глядя на Мин Е, он чувствовал неловкость.

Жун Цзянь избегал его целое утро.

Когда Сы Фу собирался позвать Мин Е, чтобы вместе принести еду, Жун Цзянь остановил его:

— Оставьте Мин Е здесь.

Мин Е подошёл к Жун Цзяню. Его глаза вернулись к своему обычному виду — тёмные и глубокие, спокойные, словно никогда не нарушавшиеся волны.

В его глазах чётко отражался Жун Цзянь, и он серьёзно сказал:

— Спасибо Вашему Высочеству за то, что были рядом, когда я болел.

Жун Цзянь не хотел вспоминать об этом. Он опёрся локтем на стол, слегка приподняв руку, чтобы закрыть глаза.

И когда Мин Е уже подумал, что он будет так сидеть вечно, Жун Цзянь вдруг заговорил сам с собой:

— Если ты снова заболеешь, можешь позвать меня во Дворец Чанлэ, чтобы я был с тобой.

— Но не души меня за шею.

— ...Если ты не уверен, можешь немного сжать, когда войдёшь. Но не так сильно, останутся следы.

Жун Цзянь знал, что эти слова нужно произнести на одном дыхании, иначе он точно пожалеет.

Мин Е замер.

Иногда он думал, что хорошо понимает Жун Цзяня, а иногда — нет.

Как сейчас, когда Жун Цзянь проявлял наивность, которая не изменится, даже если его обидят.

Это было то, что Мин Е не мог понять.

Казалось, Мин Е замер на мгновение, стоя на месте в полной тишине.

Сквозь приподнятую руку Жун Цзянь мог видеть подбородок Мин Е.

Почему он молчит?

Принятие или отказ — любой ответ был бы лучше.

Жун Цзянь чувствовал, как время тянется медленно, и это было мучительно. Он погрузился в свои мысли, размышляя о многом. Возможно, Мин Е не хотел, чтобы кто-то видел его таким, у каждого есть свои секреты.

Мин Е наклонился и посмотрел на Жун Цзяня, спросив:

— Почему Ваше Высочество так поступили?

Жун Цзянь, услышав его слова, сразу же вернулся к реальности, но не ожидал такого вопроса, это было совершенно вне его ожиданий.

Он смущённо произнёс:

— А?

Он терял контроль над этим разговором. Но перед Мин Е Жун Цзянь всегда был таким.

Мин Е выглядел совершенно спокойным, он невозмутимо спросил:

— В ту ночь я причинил Вашему Высочеству боль? Поэтому Вы сказали, чтобы в следующий раз я не сжимал так сильно.

Жун Цзянь нахмурился. В ту ночь его действительно схватили за шею, слово «сжать» было не совсем точным, потому что рука не прилагала особых усилий.

Он был готов показать Мин Е свои «раны», потому что на самом деле не осталось никаких следов.

Итак, Жун Цзянь снял с шеи тяжёлые бусы, слегка приподнял подбородок и сказал:

— Разве это можно считать раной?

Они не стояли близко, но зрение Мин Е было острым, и он всё чётко видел. Кожа Жун Цзяня была очень светлой, тонкая плоть покрывала изящные очертания шеи, кадык слегка выступал, красные следы уже исчезли, синяки почти не были видны, только на краях отпечатков пальцев остались едва заметные следы.

Это были следы Мин Е.

Мин Е опустил взгляд, задержавшись на этом месте на мгновение:

— Это можно считать. Тело и кожа вышестоящего, даже выпавший при расчёсывании волос, — это ошибка слуги. Тем более такие явные следы.

Жун Цзянь был в отчаянии от древнего общества, он возразил:

— Это ведь не было намеренно.

Мин Е протянул руку, его движение не было резким, он обхватил запястье Жун Цзяня и убрал его руку от лица. Жун Цзянь был вынужден смотреть на этого человека.

Мин Е улыбался, мягко уговаривая:

— Даже если Вас обидели, Ваше Высочество может так легко простить?

Жун Цзянь был ошеломлён, он не понимал, почему всё так вышло.

— Ваш слуга совершил тяжкий проступок, заслуживающий смерти.

— Человек, как я, с такими глазами, если кто-то их увидит, подумает, что это одержимость демоном. Почему Ваше Высочество не схватили меня? О чём Вы думали?

Возможно, таких злодеев, как Мин Е, было мало. Зная, что это не так, он всё равно спрашивал, всё равно хотел услышать ответ, загнав Жун Цзяня в тупик.

Жун Цзянь, казалось, не мог вынести таких слов, не знал, потому ли, что Мин Е так описывал себя, или потому, что так предполагал о нём, но он больше не мог терпеть.

Жун Цзянь отвернулся, глядя на Мин Е, словно не понимая, почему этот человек так поступает. Его голос дрожал, он не умел вести переговоры, не знал, что потеря контроля над эмоциями только покажет противнику его слабость. Он сдался и умолял:

— Не говори так.

Мин Е был ошеломлён, он увидел глаза Жун Цзяня.

Он не стал продолжать. Мин Е никогда не отступал в таких противостояниях, он был на грани победы, имел огромное преимущество, этот человек был перед ним беспомощен, вот-вот признает поражение.

Но Мин Е был тем, кто отступил:

— Я просто думал, что Ваше Высочество слишком добры, вас легко обмануть.

Он сделал паузу:

— И вас легко обидеть.

Жун Цзянь медленно моргнул. Он не был мастером уловок и не умел притворяться, но был очень чувствителен к эмоциям.

Он мог уловить в голосе Мин Е скрытую, едва заметную жалость.

Казалось, как и говорил Мин Е, Жун Цзянь был человеком, которого легко обмануть и обидеть.

Но что бы ни было, слова Мин Е всё равно оставили его недовольным, и теперь он слегка неохотно сказал:

— Я ведь не ко всем так добр.

Доброта Жун Цзяня была не безгранична, он не был готов легко отдавать её каждому.

Извините, немного застрял с текстом, обновление задержалось на десять минут qwq Спасибо, что читаете! В комментариях разыграю двадцать красных конвертов!

<http://bllate.org/book/16310/1471678>